

Фольклорно-литературные сказки
как составная часть отечественного
литературного процесса
20–50-х гг. XX в. (Б.В.Шергин)

литературного процесса 20 – 50-х гг. Понятие народно-литературной (или фольклорно-литературной) сказки утвердились благодаря творчеству особых писателей — сказителей С.Писахова и Б.Шергина. Для понимания художественного мира их творчества неприемлемы понятия «связь с фольклором» или «влияние фольклора»: это продолжение традиции, сохранение ее в новых социокультурных условиях первой половины XX в. Гармоничное единство труда и творчества, цельная народная культура стали основой произведений продолжателей северной фольклорной традиции.

Органичное наследование поэтической традиции объединено в творчестве Б.Шергина с научным представлением своего творчества в историко-культурной перспективе: он выступал как исполнитель, собиратель-хранитель, был знаком с фольклористами, принимал участие в лекциях Ю.М.Соколова по фольклору. Творчество Б.Шергина проникнуто верой в то, что «так и есть», как он сказывает. В основе этой читательской и слушательской «веры» — безгранична любовь, знание и понимание духовной и бытовой жизни Севера, непосредственное родство с народным творчеством. То, что фольклористы систематизируют по жанрам, в естественной жизни поэзии существует в единстве, как едины природа, душа человека и народное слово. Подтверждение тому — образы народных поэтов у Б.Шергина. Талков Конон (рассказ «Рождение корабля»): «В тихий час, в солнечную летнюю ночь сядет Конон с подмастерьями на глядень, любует жемчужно-золотое небо, уснувшие воды, острова — и поет протяжные богатырские песни. И земля молчит, и вода молчит, и солнце полуночное над морем остановилось, все будто Конона слуша-

ют... А Конон скажку расскажет и загадку загадает»¹. «Скоморохом», поэтом и артистом называет Шергин старика Анкудинова («Пафнутий Ан-

кудинов» из книги «Изящные мастера» и «Беломорская Русь»). «...Кончит былину богатырскую, запоет скоморошину... Шутит про себя: — У меня уж не запирается рот. Сколько сплю, сколько молчу. Смолоду сказками да песнями душу питаю. Поморы слушают, как мед пьют. Старик иное и зацеремонится: — Стар стал, наговорился сказок. А смолоду — на полатях запою, под окнами хоровод заходит. Артели в море пойдут, мужики из-за меня плахами лупятся. За песни да за басни мне с восемнадцати годов имя было с отчеством. На промысле никакой работы задеть не давали. Кушанье с поварни, дрова с топора — знай пой да говори... Вечером народ собирается, я засказываю. Мужиков людно сидят, торопиться некуда, кабаков нет. Вечера не хватит, ночи прихватим... Дале — один по одному засыпать начнут. Я спрошу: «Спите, крещены?» — «Не спим, живем! Дале говори...»².

Таким же художником, мастером был и Б.Шергин, с детства постигший красоту и гармонию родной культуры, наслушавшийся «золотых словес». Первые издания его произведений были в большей степени фольклорными («У Архангельского города, у корабельного пристанища» — 1924); за ними последовали так называемые репертуарные сборники («Шиш Московский» — «скоморошья эпопея о проказах над богатыми и сильными», «Архангельские новеллы», «Поморские сказки», «Поморщина-корабельщина», «У песенных рек») и, наконец, — «писательская» книга «Океан-море русское» (1957), которая принесла автору всеобщее признание.

Сказки Шергина являются народно-литературными произведениями, принадлежащими и литературе и фольклору. Аудиторность рождения, ссылки на тради-

цию, вариативность в изданиях восходят к живой народной традиции. Традиционно сказками Шергина считают «эпопею» о Шише Московском, а также «скоморошины сказки» («Сказка о дивном гудочке» [«Дивный гудочек»], «Зеркальце», «Судное дело Ерша с Лещом», «Кобыла», «Волшебное кольцо», «Золоченые лбы», «Данило и Ненила» и другие). Это сказки волшебные, социально-бытовые сатирические, анекдоты и пародии. Сюжет «Сказки о дивном гудочке», которую Шергин слышал от матери, известен и в виде былинного («Вавило и скоморохи» М.Кривополеновой). Данное произведение может быть определено и как сказка-баллада. В варианте Шергина важен не столько семейно-нравственный конфликт, сколько его общенародное восприятие. Сестру, убившую брата, судят всенародным судом: «Не кипарисны деревца пошаталися, не изюмины ягодки посыпались, отец с матерью заплакали. Сошлась родня вся, порода. Собрались порядовые соседи. Девку Осмуху имают и на суд перед собою ставят»³. Концовка произведения сказочная, а не балладная: «И летает погудальце по струнам, как синяя молния. Сгремел гром, и на болотце накатилось светлое облако и упало живым дождем на Романушка. И ожил Романушко. Из-под кустичка приходит серым заюшком, а из под камешка приходит горностаюшком. Скоморохам-то на славу, родителям на радость, а народу-то на диво»⁴.

Сказки «Золоченые лбы» и «Кобыла» восходят к традиции сатирических сказок, имеют ярко выраженную антигосподскую направленность, используют принцип непонимания естественного хода вещей и их связи царем и его семьей, которые из-за своей тупости неспособны адекватно оценить простые жизненные ситуации и каждый раз остаются в дураках.

Сказки «Мартынко» и «Варвара Ивановна» — о ловких обманщиках и пройдохах. Мартынко — бедный парень, мастер «песни петь да сказки врать». В развитии действия явны мотивы волшебных сказок: о находке волшебного предмета (золотые карты), о царской дочери, которая обманом им завладела, о чудесных

яблоках — «рогатых» и молодильных. Удача героя обусловлена волшебством, но и симпатии рассказчика на его стороне. Мартынко проигрыши прощает, угощает пострадавших, став министром финансов у короля, делает королевство богатым и процветающим.

Главный герой сказок о Шише — Шиш Московский. Московское царство, в котором локализовано действие, представлено социально обобщенно. Герои — традиционны для сатирических сказок: трактирщица, богатый сосед, судья, купец, мужик и т.д. Шиш всем знаком, «на Шише у всех свет клином сошелся», «где Шиш, там народу табун». Многие истории о нем сохраняют признаки устности. Например, обращения к слушателям: «Вот вы сказки любите, а Шишу однажды из-за сказок беда пришла» («Шиш-сказочник»). Шергин специально подчеркивает, что рассказывать можно бесконечно: «Про Шиша говорить — голова заболит. <...> Здесь я от большого мало возьму, от многа немножко расскажу» («Шиш пошутивает у царя»). В сказке «Наш пострел везде поспел» Шиш представлен традиционно сказочно: «Дом был, стоял добрым порядком и на гладком месте, как на бороне. В дому отец жил с сыновьями. Старших и врать не знай, как звали, а младшего все Шишом ругали. Время ведь как птица: летит — его не остановишь. Вот Шиш и вырос. Братья — мужики степенные, а он весь — как саврас без узды. Такой был Шиш: на лбу хохол рыжий, глаза — как у кошки. Один глаз голубой, другой — как смородина. Нос кверху. Начнет говорить, как по дороге поедет: слово скажет — другое готово». По сказкам можно проследить этапы жизни героя (раздел имущества с отцом и братьями, умение «причаливать» к замужним женщинам и т.д.). Шиш имеет дом, правда, неказистый, «у него двор полой, скота не было, и запирать некого». За конкретными пространственно-временными характеристиками встают обобщенные фольклорные способы изображения мира и человека (дом — город и деревня — Русь — белый свет).

Для сказителя важно, что Шишанко гуляет по свету — таким образом, вся «эпопея» приобретает открытый компо-

зиционный характер. В предисловии к сборнику 1930 г. Шергин, представляя героя, «вписал» его в многовековую народную традицию: «Веселые сказки и анекдоты о бродяге Шише, который обижает богатых и защищает бедных, были распространены в народе с давних времен. Некоторые из них созданы в последние столетия, некоторые в XVII веке, в так называемое Смутное время, когда на Руси было много бродяжных людей — беглых крестьян. Жестокие налоги, жестокая барщина заставляли крестьян убегать от помещиков, жечь усадьбы. <...> В северной области нашей страны и до сих пор можно услышать от крестьян анекдоты о Шише, о его злых, подчас грубых, шутках, о его веселых проделках над барами»⁵.

Шиш объединяет различные грани образов героев народных сатирических сказок: удачливого дурака, который осмыслен народом по-разному («...то глупец, волей случая побеждающий умных соперников, то остроумный веселый победитель, оставляющий в дураках всех, кто становится на его пути»)⁶, дурака «набитого» и шута. Шиш — прохвост, обманщик, рад проказничать над сильными и богатыми. Бывает, что ему достается, однако «у Шиша уверток — что в лесу поверток». В дураках оказываются трактирщица, братья, купец-сосед, «мистер», царь с царицей. Так, сказка «Доход не живет без хлопот» — о несправедливом разделе отцовского имущества между братьями, при котором Шиш получил только «коровку ростом с кошку», а отца старшие сыновья вообще выгнали за порог. История состоит из двух эпизодов. Первый — Шиш добывает денег у богатых купцов и у разбойников, поверивших в то, что он изгнал чертей, а затем одурачивает братьев, которых с позором изгнали из торговых рядов. Второй — Шиш, закатанный братьями в бочку, меняется местами со становым, захотевшим стать начальником, забирает его тройку и вновь обманывает братьев, отправляя их в бочке по Волге. Таким образом, Шиш заставляет братьев «на своей шкуре» испытать несправедливость, «возвращает» им то, что получил. Он проходит «путь» младшего обездоленного брата волшебной сказ-

ки, который в итоге зажил вместе с отцом в своем доме. Шергин показал героя умным, находчивым и справедливым (он отнимает деньги у богатеев и разбойников, а коровку дарит старухе; наказывает жадных и злых братьев, чиновника, выколачивающего подати с бедной деревни).

История «Шишовы напасти» объединяет элементы сказок о «набитых» дураках и ловких ворах, а также традиционный сюжет о Шемякином суде. Шиш оторвал хвост у кобылы богатого купца, по дороге в суд решил умереть, прыгнул с моста и зашиб до смерти старика, затем задавил ребенка в люльке, упав во время ночлега. По дороге он поднимает с дороги камень «на случай». Судья же, решив, что Шиш сулит ему золото, выносит приговоры в его пользу. В описании «дурацких» решений суда ощущимы мотивы анекдотов (Шишу отдают лошадь, «докуль у ей фост выростет»; предлагают сыну старика прыгать с моста на Шиша, пока не убьет; отцу ребенка — отдать жену Шишу, пока «нового младенца не представят»).

Шиш — неунывающий и нестареющий герой. Все ситуации, когда Шишу бывает досадно, одновременно смешны. Таковы описания любовных похождений героя, который смолоду «пришвартовался» к мужним женам («Праздник окатка», «Бочка», «Шти»). Один из обманутых мужей «чохнулся» его горячими щами («Праздник окатка»)⁷. Сказка «Рифмы» («Шиш складывает рифмы») отличается от большинства историй о Шише. В ней использован прием стихотворных комических прозвищ, характерный для народной сатиры. Шиш обманывает доверчивого возницу, предложив игру в рифмы. Придумывая комические прозвища отцу и деду мужика «для рифмы» («Я твоего Кузьму за бороду возьму», «Твой дедушка Иван посадил кошку в карман», в другом варианте — «был большой болван»), Шиш его разозлил. Пришлось идти пешком («И смешно и досадно», — заканчивает сказитель). В другом варианте возница сам научился рифмам. Он последовательно «возвращает» Шишу его насмешки. Шиш называет себя Федей, Степаном, Силантием, но в результате получает в ответ три рифмованные дразнилки с требо-

ваниями слезеть с лошади. («Если ты Федя, то поймай в лесу медведя, на медведе поезжай, а с моей лошади слезай!»; «Если ты Степан, садись на аэроплан, на аэроплане и летай, а с моей лошади слезай!»; «Если ты Силантий, с моей лошади слезай!»). Сказка заканчивается необычным для жанра моральным уроком: «Так ему и надо. Если тебя добрый человек везет на лошадке, то сиди молча, а не придумывай всяких пустяков».

К сказкам о Шуте примыкает большинство других скоморошьих сказок, героями которых являются плуты и ловкие обманщики: Капитонко («Золоченые лбы»), Мартынко («Мартынко»), «Якунька» (Варвара Ивановна), старичонко («Кобыла»), Лисья мать («Пойга Корелянин»). Историю об одном из них — Якуньке Шергин завершает словами, которые могут быть в полной мере отнесены и ко всем героям подобного типа: «А Якунька, деляга, умница, снова, значит, заработал на табачишко»⁸.

Большинство сказок Шергина — «для увеселения». Традиционные герои волшебных («Волшебное кольцо», «Данило и Ненила», «Пойга Корелянин») и бытовых сатирических сказок («Мартынко», «Пронька Грэзной» и др.) представлены в новом социально-бытовом окружении и поданы в смеховом, даже анекдотическом ключе. Наиболее близки к анекдотам сюжеты «Кобыла», «Зеркальце», «Варвара Ивановна». В основе сказок-анекдотов «Зеркальце» и «Варвара Ивановна» сюжеты о глупых, злых и упрямых женах. Новая действительность является неотъемлемой и органичной частью сказок (проявляется и в содержании, и в осмыслении традиционных конфликтов, и в мире вещей). Элементы народной смеховой культуры представлены в использовании раешника (скоморошья песенка-неклаудха, рифмованные приговорки).

В творчестве сказителя понятие сказки шире, чем сатирические «скоморошьи» сюжеты. Сказками Шергин мог называть все прекрасное в жизни, то, что «сказывается», и лишь в наиболее узком смысле — веселые «скоморошьи» сказки, противопоставляя их серьезным стариным, песням, преданиям.

Шергин охарактеризовал облик нового северного сказительского искусства: «Быт и искусство архангельского Севера до последнего времени сохраняли остатки культуры новгородской и феодально-московской. Поморянин, поэтически одаренный, вполне укладывался творчеством своим в традиционные формы устной поэзии — песню, сказку, былину. Но в этом стиле, в этой стихии он чувствовал себя хозяином и являл свое творчество не только артистическим исполнением, но и безудержной импровизацией, отвлечениями в сторону самой злободневной современности»⁹. Собственное творчество сказителя отличается разным подходом к традиционным жанрам. Э.В.Померанцева отмечала, что его былины и сказки были принципиально различными, что обусловлено не только своеобразием творческой личности, но и разными возможностями фольклорных форм: «Свободно рассказывая сказку, насыщая ее новыми чертами, как бы заново компонуя традиционный сказочный материал (как обычно и делают сказочники), Шергин очень бережно подходит к былине, стремясь донести до читателя ее традиционный текст в подлинности и нетронутости»¹⁰.

Сказки Шергина невозможно рассматривать в отрыве от всего творческого наследия сказителя — «доброго художества». Подтверждение тому — дневниковые записи. Например, такая: «Смала был я любитель рисовать, красить. На то и учился, падая по цветам древнерусского стиля. Любителем навек остался. Потом былинами и сказками стал управлять. На том коне и еду. Но не интересна мне автобиография эта. Никак! Главное: чем душу питаю»¹¹. Народное художественное творчество для Шергина — живой организм, именно поэтому свои мысли о творчестве он излагает через призму единства вечной жизни природы и человеческого существования. Разные стороны этого мира отражаются и в серьезных торжественно-печальных «памятях»-преданиях, и в рассказах о «государях-кормицках», и в веселых «скоморошьих» сказках, и в «чувствительных» новеллах, и в мудрых пословицах. Художественный мир сказок Шергина ориентирован в целом на увеселение и требует ска-

зываания, а не на чтения. Репертуар их в основном сложился в 20 – 30-е гг.

За скоморошьими сказками встает облик рассказчика-забавника и морализатора. Они определены театрально-скоморошьей стороной северной народной культуры, которую Шергин ярко охарактеризовал в очерке «Беломорская Русь»: «Весь народ северный вдохновенно отдается драматической игре. <...> Страсть к театру расцветала в коляду и на масленице. Масками ходили все от мала до велика. Почтенные отцы семейств и мамаши, облачившись в дедовские шубы, наложив «хари» и «личины», ходили с визитами из дома в дом часов до девяти утра. <...> Скоморошество достигло апогея к Новому году. В пинежских деревнях улицы загораживались громадными куклами. Куклы эти представляли собою шаржи на местное начальство, кулака, духовенство. <...> Весной, пародируя хороводы девиц, наряженных в традиционные парчовые конусы на головах и обязательные шелковые шали, расшалившиеся «женки» водят рядом свой круг. На затылок у них напялены берестяные бураки, по плечам развесаны мужневы брюки. Степенные старцы, выполняя чин своеобразных «сатурналий», бегали по улицам, подвесив к нижней пуговице пиджака редьку»¹².

Шергин специально заострял внимание и на том, что устная северная сказительская традиция может ассимилировать любое художественное произведение и реальное событие (от «Короля Лира» до истории дуэли Пушкина). Определение для подобного явления — «сказка-новелла»: «И в наши дни сказку-новеллу услышите еще и от старика и от молодого. Кроме исконных сюжетов, молодежь русифицировала, обработала на говоре и сказки Гримм, и романы Дюма и Гюго. Прочитанная и понравившаяся мелодраматическая повесть непременно будет жить в устном пересказе женщин. Героический, приключенческий роман включают в репертуар мужчины. В устном пересказе фабула приобретает сжатость, четкость. Полностью, по законам устной речи, перекраивается архитектура книжного произведения, меняется язык»¹³. Среди произведений Шергина также есть новеллы («Егор

увеселяется морем», «Аниса», «Ваня Датский», «Володька Добрый» и другие). Очевидно, что разница между скоморошьей сказкой и новеллой состояла именно в наличии «чувствительного» момента и в подробном описании приключений (не случайно в некоторых изданиях к новеллам относят и сатирические сказки с авантюрным сюжетом — «Варвара Ивановна» и «Мартынко»). Промежуточное положение занимает сказка «Данило и Ненила», соединяющая чувствительный любовный сюжет, построенный на основе волшебно-сказочной традиции, и обличение Федьки-«королька».

Иным предстает Шергин в дневниковых записях. Это человек светлой души, глубоко верующий. Немало печальных слов написал он о времени, о людях, о тяжелом и скучном быте. Но главное — глубокая вера, безгранична любовь к родному Северу, восхищение красотой и мудростью природы. О своих выступлениях Шергин практически не упоминает, однако можно понять, что заработка было немного: «...В Александров день с эстрады вякал два часа. Публика — художники. На улицу-ту вышел: поносит меня. Да, песни пой, избу крой, а шесть досок паси... Худой стал я. От силы на сотню публики меня хватит, а уж на большой сцене опасность. Боюсь, что с воронежскими гастролями одни разговоры. <...> Ино мои-то заработки всегда вилами по воде писаны: вспомнят, ткнут в какой-нито концертинко. А не вспомнят, сиди, жди. А здоровьишко худое. Голос кроток стал, звонкость потерялась. Не порато стари мои годы, а радости в душе, в сердце, в сознании не стало»(1944)¹⁴. В более поздних по времени дневниковых заметках (1949) можно прочитать и горькие слова о своем исполнительстве, из которого ушла «радость»: «Был я еще молод, и так же в это же оконце глядела долгая весенняя заря. И опять вижу узор ветвей на золотистом догорающем небе. Когда-то (а уж не так давно) сладкая радость проникла в мое сердце от этой красоты неба, веток, воды. А теперь я гляжу и знаю, что это радость, — ведь любимый мой месяц март! Но как будто остается эта радость там, за оконцем, и не проникает в меня. И, выступая на подмостках,

я уже не вхожу в роль. Делаю привычные жесты, привычно понижая или усиливая голос. Смешу. Публика хлопает, а мне, увы, безразлично. Ведь что в двадцать пять, то и в пятьдесят пять преподношу. Не чувствую, примелькалось»¹⁵. И еще через четыре года: «Живое слово люблю: сочинять бы да сказывать. Ино, этот товар не идет. «Раз в год по праздникам» позовут куда-нибудь побаять, попеть, показать. Ино для этих редких и случайных «разов» нет резона сочинять, да слово составлять. И сдумал бы что, а для кого? «Уронена стара мода со высокого комода»¹⁶.

Образы прошлого, светлая печаль и память молодости, сокровища которой не стали музеиными экспонатами, а живут с человеком, творческая радость и восхищение красотой в дневниках Шергина нередко понимаются и переживаются через образ сказки. Сказка — воспоминание и синоним радостного творчества: «...Сказка, волшебство творчества заражает, вдохновляет, подвигает художника к творчеству. Тихий зимний день, белый дворик, серо-фаянсовое небо, бесшумно кружащиеся белые пчелы; время точно остановилось... Творческое счастье охватывает тебя. Вот она, сказка о заколдованным Городе... Святые вечера, святые дни. Далече будни. Ныне время наряду и час красоты... Как бы матери голос слышу,ющий северную старину-былину <...> Сколько сказок сказывалось, сколько былин пелось в старых северных домах о Святках. Об Рождестве сказка стояла на дворе: хрустально-синие, прозрачно-

стеклянные полдни с деревьями в жемчужном кружеве инея. И ночи в звездах, в северных сияниях... А по уютным многоокончатым домам тепло, «как сам Бог живет»... Тут то бабки и дедки сыплют внуткам старинное словесное золото. <...> Но что вспоминать детство?! Сказке нигде не загорожено. Вот она прилетела с Севера сюда и заворожила...»¹⁷.

Шергин кратко и точно определил отношения между фольклором и литературой в очерке «Слово устное и слово письменное» — «эти стихии неслиянны, но и нераздельны». В очерке «Беломорская Русь» эта же идея представлена более полно: «Народная жизнь, труд, народная лексика являются неизсяляемым родником поэзии. У писателя по сравнению с поэтом устно-народным, могут быть иные масштабы, иной словесный арсенал, иные образы, но творческая радость поэтов фольклора должна быть свойством всех, кто работает со словом»¹⁸. Себя он всегда называл сказочником, считая своей задачей сохранение поэтического богатства, наследником которого он стал, но уже не в виде «предания», а в книге. Вспоминая свое юношеское «художественное томление», Шергин написал: «Неудобно мне склонять эти местоимения — «я», «у меня», но я не себя объясняю. Я — малая капля, в которой отражается солнце народного искусства. Что говорю я, мала дождевая капля, о том веселее меня сказывают тысячи других капель внешнего художественного дождя»¹⁹.

¹ Шергин Б.В. Изящные мастера. Поморские былины и сказания. — М., 1990. — С. 38.

² Там же. — С. 142.

³ Шергин Б.В. Изящные мастера. — М., 1989. — С. 226.

⁴ Там же.

⁵ Шергин Б.В. Шиш Московский. — М., 1930. — С. 3.

⁶ Молдавский Д.М. Русская народная сатира. — Л., 1967. — С. 66.

⁷ Сказка с таким же сюжетом и названием была известна собирателям. См., например: Северные сказки // Сборник Н.Е. Ончукова: В 2 кн. — СПб., 1998. — Т. 1. — № 141 (записи А.А. Шахматова).

⁸ Северные сказки. — Саратов, 1993. — С. 70.

⁹ Там же. — С. 263.

¹⁰ Померанцева Э.В. Писатель-сказитель //

Писатели и сказочники. — М., 1988. — С. 104.

¹¹ Шергин Б.В. Из дневников 1942—1953 годов // Изящные мастера. — М., 1990. — С. 353.

¹² Шергин Б.В. Беломорская Русь (из книги «Народ-художник») // Изящные мастера. — М., 1990. — С. 263—264.

¹³ Там же. — С. 265.

¹⁴ Шергин Б.В. Из дневников 1942—1953 годов // Изящные мастера. — М., 1990. — С. 339.

¹⁵ Там же. — С. 403.

¹⁶ Там же. — С. 426.

¹⁷ Там же. — С. 350—351.

¹⁸ Шергин Б.В. Беломорская Русь (из книги «Народ-художник») // Изящные мастера. — М., 1990. — С. 267.

¹⁹ Шергин Б.В. Из дневников 1942—1953 годов // Изящные мастера. — М., 1990. — С. 420—421.